

DOI: 10.20913/2618-7515-2023-1-3

УДК 316.444.3

Оригинальная научная статья

Социальные лифты и их восприятие обучающимися

Д. А. Севостьянов

Новосибирский государственный медицинский университет

Новосибирск, Российская Федерация

e-mail: dimasev@ngs.ru

А. Р. Гайнанова

Сибирский государственный университет путей сообщения

Новосибирск, Российская Федерация

e-mail: gainanova@bk.ru

Ю. В. Печин

Новосибирский государственный аграрный университет

Новосибирск, Российская Федерация

e-mail: pechin65@mail.ru

Аннотация. *Введение.* Общество является иерархической системой, в которой активные элементы, то есть отдельные люди, заинтересованы занять более высокую позицию. В особенности это касается молодежи, еще только определяющей свои жизненные перспективы. Общественные институты, которые позволяют перемещаться на более высокую социальную позицию, принято обозначать как «социальные лифты». Теоретической базой исследования является учение о системных инверсиях. Системная инверсия представляет собой форму отношений в иерархических системах, при которой некоторый низший элемент приобретает в этой системе главенствующее значение, но не покидает при этом своей исходно подчиненной позиции. Инверсия в иерархической системе возникает вследствие того, что в такой системе действует одновременно несколько организационных принципов, каждый из которых определяет иерархическую позицию соподчиненных элементов. Системная инверсия возникает тогда, когда действие одного организационного принципа противоречит действию другого такого принципа (или нескольких). Действие того или иного «социального лифта» дает возможность субъекту менять свой социальный статус применительно к какому-либо организационному принципу в социальной иерархии. Таким образом, действие социального лифта может как создавать инверсии в социальной системе, так и способствовать их разрешению. *Постановка задачи.* В настоящем исследовании изучались представления студентов вузов о грядущем использовании социальных лифтов. Исследование носило пилотный характер. *Методика и методология исследования.* В ходе исследования использовалась специально разработанная анкета, опрошено в общей сложности 290 респондентов (студентов бакалавриата разных направлений подготовки). *Результаты.* Получены данные о том, какие именно социальные лифты студенты считают для себя важными. Наиболее значимы такие социальные лифты, как бизнес, профессиональная карьера при работе по найму, брак, а также творческая самореализация. Дальнейшее образование как социальный лифт достоверно чаще упоминают девушки, чем юноши. *Выводы.* Исследование предпочитаемых студентами социальных лифтов следует продолжать; эта информация необходима для формирования образовательной и социальной политики.

Ключевые слова: иерархия, инверсия, организационный принцип, социальный лифт, социальная философия

Для цитирования: Севостьянов Д. А., Гайнанова А. Р., Печин Ю. В. Социальные лифты и их восприятие обучающимися // Профессиональное образование в современном мире. 2023. Т. 13, № 1. С. 18–27. DOI: <https://doi.org/10.20913/2618-7515-2023-1-3>

DOI: 10.20913/2618-7515-2023-1-3
Full Article

Social elevators and their perception by students

Sevostyanov, D. A.

*Novosibirsk State Medical University
Novosibirsk, Russian Federation
e-mail: dimasev@ngs.ru*

Gainanova, A. R.

*Siberian Transport University
Novosibirsk, Russian Federation
e-mail: gainanova@bk.ru*

Pechin, Yu. V.

*Novosibirsk State Agrarian University
Novosibirsk, Russian Federation
e-mail: pechin65@mail.ru*

Abstract. *Introduction.* Society is a hierarchical system in which active elements, that is, individuals, are interested in acquiring a higher position. This is especially true for young people who are just determining their life prospects. Social institutions that allow you to move to a higher social position are commonly referred to as «social elevators». The theoretical basis of this study is the doctrine of systemic inversions. System inversion is a form of relations in hierarchical systems, in which some lower element acquires a dominant value in this system, but does not leave its initially subordinate position. Inversion in a hierarchical system occurs due to the fact that several organizational principles operate simultaneously in such a system, each of which determines the hierarchical position of subordinate elements. Systemic inversion occurs when the action of one organizational principle contradicts the action of another such principle (or several ones). The action of one or another social elevator makes it possible for the subject to change his social status in relation to any organizational principle in the social hierarchy. Thus, the action of the social elevator can both create inversions in the social system and contribute to their resolution. *Purpose setting.* In this study, the university students' ideas about the future use of social elevators were studied. The study was of a pilot nature. *Methodology and methods of the study.* The study used a specially designed questionnaire. A total of 290 respondents (undergraduate students of various fields of study) were interviewed. *Results.* Data were obtained on which social elevators students consider to be the most important for themselves. The most significant are such social elevators as business, professional career in employment, marriage, as well as creative self-realization. Further education, as a social elevator, is reliably more often mentioned by girls than boys. *Conclusions.* The study of the social elevators preferred by students should be continued in the future; this information is necessary for the formation of educational and social policy.

Keywords: hierarchy, inversion, organizational principle, social elevator, social philosophy

Citation: Sevostyanov, D. A., Gainanova, A. R., Pechin, Yu. V. [Social elevators and their perception by students]. *Professional education in the modern world*, 2023, vol. 13, no. 1, pp. 18–27. DOI: <https://doi.org/10.20913/2618-7515-2023-1-3>

Введение. Известно, что общество представляет собой иерархическую систему. Равенство людей, которое бесчисленное количество раз провозглашалось множеством мыслителей и общественных деятелей, не отменяет того факта, что в реальной жизни люди занимали, занимают и, очевидно, будут занимать неодинаковые социальные позиции. Известно также, что в современном обществе достаточно широко практикуется перемещение с одного социального уровня на другой. При этом существуют определенные социальные институты (а также роды деятельности), которые содействуют такому вертикальному перемеще-

нию, создавая для индивидуума соответствующие возможности. Эти социальные институты принято обозначать как «социальные лифты».

Считается, что это понятие ввел в научный оборот выдающийся американский социолог русского происхождения П. А. Сорокин. В частности он писал: «Внешний вид социального здания нам уже немного известен. Тому, кто желает исследовать его углубленно, следует войти вовнутрь и изучить его внутреннее строение: характер и расположение этажей, лифты и лестницы, ведущие с одного этажа на другой, и все прочие приспособления для подъема и спуска с этажа на этаж.

Короче говоря, это будет изучением внутренней структуры многоэтажных социальных зданий» [1, с. 373]. Возможностями функционирования социальных лифтов определяется уровень открытости данного общества [2]. Недостаточная эффективность социальных лифтов приводит общество к социальной стагнации [3]. В современной литературе уделяется большое внимание описанию и систематизации социальных лифтов [4–7]. Описано немало разнообразных социальных лифтов; доступность их различна. Так, к социальным лифтам относится военная служба, но этот социальный лифт в настоящее время затрагивает в основном лишь профессиональных военных, а на прочих граждан его действие не распространяется. Точно так же весьма специфическим социальным лифтом является спорт [8]: для лиц, не занимающихся спортом высоких достижений и не имеющих для этого соответствующих данных, этот социальный лифт на практике недоступен.

Социальную стратификацию определяют как «социальное неравенство, иерархически упорядоченное вдоль одной оси, выстроенной по одному из индикаторов социального статуса» [9, с. 270]. Пребывание в определенном социальном статусе в социальной иерархии и перемещение с одного иерархического уровня на другой подразумевает, что в социальной системе действует некоторое количество организационных принципов, которые и опираются на индикаторы, определяющие социальный статус субъекта. Каждый такой организационный принцип обуславливает ту или иную иерархическую социальную позицию, занимаемую субъектом. Некоторые из них проявляют себя относительно независимо от других; в других случаях организационные принципы сопряжены (сцеплены) между собой. Тот или иной социальный лифт обеспечивает восходящее вертикальное перемещение субъекта в социальной иерархии в соответствии с действием какого-либо определенного организационного принципа. Иначе говоря, любой социальный лифт привязан к действию некоторого организационного принципа и обеспечивает перемещение на более высокую социальную позицию в рамках действия этого принципа (или нескольких принципов, если они могут расцениваться как сцепленные). Так, образовательный организационный принцип определенным образом сцеплен с имущественным принципом, поскольку бедность расценивается как препятствие при получении образования [10, с. 136].

В такой сложной системе, как система «общество» подразумевается наличие множества организационных принципов, причем их количество порой трудно определить: всегда может случиться, что какой-либо организационный принцип

не был раньше принят во внимание, а между тем действие его несомненно. Множественность организационных принципов проявляется в многомерной социальной стратификации [11]. Некоторые организационные принципы со временем прекращают свое действие, но взамен появляются новые. Так, в прежние времена одним из основных организационных принципов, определяющих социальное положение субъекта, был сословный принцип (то есть социальное положение субъекта определялось главным образом его сословной принадлежностью); однако революция 1917 г. упразднила в нашей стране как действие этого принципа, так и сами сословия. В настоящее время, в эпоху СМИ и социальных сетей, весьма значимым может быть назван коммуникативный организационный принцип – более высокую социальную позицию приобретает субъект, известный наибольшему числу людей и поддерживающий с ними хотя бы одностороннюю коммуникацию. Поскольку каждый человек при формировании своего социального статуса в значительной степени реализует это собственными усилиями, имеет значение эргический организационный принцип, согласно которому более высокую иерархическую позицию оказывается способен приобрести субъект с наиболее выраженной мотивацией.

Среди организационных принципов, обуславливающих социальный статус субъекта, могут быть выделены сущностные и атрибутивные принципы. Сущностный организационный принцип применительно к социальной иерархии опирается на некоторое неотъемлемое, постоянное качество индивида, которое и обуславливает его общественное положение. Например, таким качеством может быть названо сословное положение или отношения родства. Атрибутивный организационный принцип базируется на наличии у индивида некоторого непостоянного, изменчивого (или принципиально способного изменяться) свойства. Так, атрибутивным является имущественный организационный принцип, который определяет общественное положение субъекта по признаку наличия у него материального достатка. Богатство можно и приобрести, и утратить; кроме того, человек может объективно богатеть, но при этом фактически спускаться ниже в социальной иерархии, поскольку окружающие богатеют быстрее, чем он.

Организационные принципы в социальной иерархии имеют неравную значимость, которая может весьма сильно различаться в отдельных обществах. Тем самым организационные принципы сами также образуют иерархию, которая может быть обозначена как иерархия второго порядка. Так, в традиционных обществах большое значение имеют хронологический организационный

принцип, согласно которому высшая позиция в социальной иерархии достается старшим по возрасту субъектам, и генетический организационный принцип, обеспечивающий социальное положение исходя из отношений родства. В современном обществе эти принципы также представлены, но значение их все же не настолько велико.

Поскольку социальный статус субъекта определяется не одним, а сразу несколькими организационными принципами, возможна (и часто встречается) следующая ситуация: на основании одного организационного принципа социальное положение субъекта может считаться достаточно скромным (подчиненным), но зато на основании другого организационного принципа этот же субъект вправе претендовать на большее, даже на главенствующую позицию в этой иерархии. Один организационный принцип действует в данном случае против другого. Возникает, таким образом, противоречие между формальным положением субъекта в социальной системе и его фактической ролью в ней. Это противоречие может быть обозначено как системная инверсия [12]. Состояние системы, при котором инверсии в ней отсутствуют, может быть обозначено как отношения ордера. Способность к формированию системных инверсий присуща самым разным сложным иерархиям; в социальных системах Герхард Ленски называл подобные ситуации статусной неконсистентностью (рассогласованностью); противоположное этому состояние (отношения ордера) обозначалось им как статусная кристаллизация [13].

Инверсия в социальной иерархии означает развитие противоречий в этой системе; эти противоречия способны разрушить иерархию, в которой они получили развитие. Но по прошествии некоторого времени система, если не будет разрушена, адаптируется к инверсиям, и в этом случае уже ликвидация такой инверсии чревата для системы непредсказуемыми последствиями.

Разрешение инверсии может происходить разными способами. Инверсия исчезнет, если из данного сообщества будет удален субъект, социальные претензии которого не соответствуют его наличному статусу. Инверсия исчезнет и при разрушении самой системы (подобно тому, как при смерти организма исчезает и болезнь, приведшая к такому финалу). В то же время, если инверсия разрешается не как явление, присущее данной системе в целом, а как частная форма отношений, в которой оказался некоторый субъект, то на практике это действие заключается либо в удовлетворении социальных претензий данного субъекта, либо в отказе от них, либо в удалении данного «возмущающего» субъекта из данной социальной системы. Инверсия разрешится и в том случае, если обесценится или совершенно исчез-

нет тот организационный принцип, на основании которого возникает подобное несоответствие личного иерархического статуса и социальных претензий.

Итак, социальный лифт как сфера деятельности или общественный институт, осуществляющий повышение позиции субъекта в социальной иерархии в соответствии с тем или иным организационным принципом, к которому он привязан, способен как порождать системные инверсии в социальной иерархии, так и разрешать их в зависимости от обстоятельств. Среди прочих особую роль в социальной иерархии играет образовательный организационный принцип; в соответствии с этим принципом социальный статус субъекта определяется его образованностью. Данный принцип носит двоякий характер: он может рассматриваться и как атрибутивный, и как сущностный. Человеку, который еще только получает образование (или намеревается его получить), образование представляется в виде внешнего, присоединяемого к его личности атрибута; но когда образование уже получено, оно становится интегральной частью личности субъекта (поскольку, собственно, оно и «образует» эту личность). Приобретая образование, субъект создает благоприятную перспективу для своего социального роста; если другие присущие данному субъекту качества такому росту пока не способствуют, то можно сказать, что в отношении данного лица наличествует системная инверсия в социальной иерархии; переместив этого человека на более высокую социальную позицию, мы можем эту инверсию разрешить. Роли образования как социального лифта посвящен ряд современных исследований [14–17].

Постановка задачи. Настоящее исследование затрагивает восприятие социальных лифтов студентами вузов; это восприятие отображает иерархию второго порядка в социальной системе (соотношение значимости организационных принципов и привязанных к этим принципам социальных лифтов).

Известно, что современная концепция высшего образования предполагает максимальную самостоятельность обучающихся в выстраивании своей образовательной траектории. От того, какими именно личными и социальными ресурсами обучающийся предполагает воспользоваться в будущем для собственного развития, в большой мере зависит его способность к социальному росту. С другой стороны, для того, чтобы каким-либо образом воздействовать на формирование личных перспектив обучающихся, необходимо в первую очередь знать их реальные предпочтения в этом вопросе.

Методика и методология исследования. В ходе исследования выполнен опрос студентов бакалавриата, обучающихся в Новосибирском

государственном аграрном университете и Сибирском государственном университете путей сообщений по направлениям подготовки «Государственное и муниципальное управление», «Психология», «Менеджмент», «Экономика».

В общей сложности опрошено 290 человек, среди которых респондентов мужского пола – 90 чел., женского пола – 200 чел. (такое соотношение полов в целом отражает действительную ситуацию в этой выборке). Средний возраст опрошенных мужского пола составлял $20,1 \pm 1,6$ лет, женского пола – $20,2 \pm 1,3$ лет. Учитывая относительную ограниченность выборки, настоящее исследование может рассматриваться как пилотное, позволяющее сформировать и усовершенствовать методику для применения ее в дальнейших подобных работах.

Предварительно в результате совместного обсуждения был составлен список вариантов выбора для испытуемых.

1. Бизнес (зарабатывание денег, свое дело).
2. Брак.
3. Рождение и воспитание детей.
4. Дальнейшее образование (магистратура, аспирантура, другое образование).
5. Общественная деятельность.
6. Профессиональная карьера (в качестве наемного сотрудника).

7. Деятельность в социальных сетях (блогер, помощник по ведению и продвижению блога).
8. Эмиграция.
9. Фриланс.
10. Творческая самореализация.
11. Остаться в прежнем социальном статусе.
12. Свои предложения.

Опрос проводился анонимно. Испытуемому предлагалось выбрать три сферы деятельности из ряда предложенных, каждая из которых может рассматриваться как предпочтительный для него социальный лифт, и расположить эти три позиции на первом, втором и третьем местах в порядке убывания. При желании испытуемый мог предложить и какую-либо свою сферу деятельности, которая приемлема в качестве социального лифта именно для него.

Если испытуемый в своих представлениях ставит определенный социальный лифт на первое место, то в общей статистике этому социальному лифту в исследовании присваивалось 3 балла. Соответственно, за второе и третье места начислялись 2 и 1 балл.

Результаты. Данные, полученные по итогам опроса испытуемых мужского и женского пола, представлены в таблицах 1, 2).

Таблица 1. Восприятие социальных лифтов обучающимися мужского пола
Table 1. Perception of social elevators by male students

№ п/п	Род деятельности	Баллы		Первое место		Второе место		Третье место		Всех упоминаний	
		Всего	На 1 чел.	Всего	%	Всего	%	Всего	%	Всего	%
1	Бизнес	169	1,88	43	47,8	16	17,8	8	8,9	67	74,4
2	Брак	71	0,79	10	11,1	12	13,3	17	18,9	39	43,3
3	Дети	22	0,24	1	1,1	4	4,4	11	12,3	16	17,8
4	Дальнейшее образование	39	0,43	5	5,6	11	12,2	2	2,2	18	20
5	Общественная деятельность	22	0,24	1	1,1	7	7,8	5	5,6	13	14,4
6	Проф. карьера	82	0,91	14	15,6	14	15,6	12	13,3	40	44,4
7	Социальные сети	3	0,03	0	0	0		3	3,3	3	3,3
8	Эмиграция	35	0,39	3	3,3	9	10	8	8,9	20	22,2
9	Фриланс	21	0,23	4	4,4	3	3,3	3	3,3	10	11,1
10	Творчество	53	0,59	7	7,8	10	11,1	12	13,3	29	32,2
11	Прежний статус	8	0,09	2	2,2	0	0	2	2,2	4	4,4
	Итого	525									

Таблица 2. Восприятие социальных лифтов обучающимися женского пола
 Table 2. Perception of social elevators by female students

№ п/п	Род деятельности	Баллы		Первое место		Второе место		Третье место		Всех упоминаний	
		Всего	На 1 чел.	Всего	%	Всего	%	Всего	%	Всего	%
1	Бизнес	304	1,52	69	34,5	34	17	29	14,5	132	66
2	Брак	122	0,61	10	5	23	11,5	46	23	79	39,5
3	Дети	42	0,21	1	0,5	7	3,5	25	12,5	33	16,5
4	Дальнейшее образование	188	0,94	38	19,5	33	16,5	5	2,5	77	38,5
5	Общественная деятельность	39	0,2	12	6	22	11	5	2,5	39	19,5
6	Проф. карьера	214	1,07	46	23	30	15	13	6,5	89	44,5
7	Социальные сети	31	0,16	1	0,5	9	4,5	10	5	20	10
8	Эмиграция	40	0,2	4	2	8	4	12	6	24	12
9	Фриланс	56	0,28	9	4,5	11	5,5	7	3,5	27	13,5
10	Творчество	153	0,77	16	8	33	16,5	39	19,5	88	34
11	Прежний статус	4	0,02	0	0	1	0,5	2	1	3	1,5
	Итого	1193									

Один испытуемый мужского пола указал в качестве социального лифта, занимающего, на его взгляд, третье место по значению, спорт, и еще один отметил в этом же качестве семейный бизнес. Одна из девушек-испытуемых особо выделила (тоже на третьем месте) политическую деятельность. Единичные испытуемые

не указали род деятельности применительно к какому-либо из мест (отметили пункт «Свои предложения», но собственных предложений так и не внесли).

По всей выборке в целом можно видеть следующее количество упоминаний различных «социальных лифтов» (табл. 3).

Таблица 3. Восприятие социальных лифтов по всей выборке
 Table 3. Perception of social elevators across the sample

№ п/п	Род деятельности	Баллы		Всех упоминаний	
		Всего	На 1 чел.	Всего	%
1	Бизнес	473	1,63	199	68,6
2	Брак	193	0,67	118	40,7
3	Дети	64	0,22	49	16,9
4	Дальнейшее образование	227	0,78	95	32,8
5	Общественная деятельность	61	0,21	52	17,9
6	Профессиональная карьера	296	1,02	129	44,5
7	Социальные сети	34	0,12	23	7,9
8	Эмиграция	75	0,26	44	15,2
9	Фриланс	77	0,27	37	12,8
10	Творчество	206	0,71	117	40,3
11	Прежний статус	12	0,04	7	2,4
	Итого	1718			

Итак, первое место среди предпочитаемых социальных лифтов в данной выборке занимает бизнес, или развитие собственного дела (68,6% всех упоминаний), причем чаще всего именно бизнесу среди «социальных лифтов» уделяется первое место. Далее следует профессиональная карьера при работе по найму (44,5% упоминаний); и здесь первое место применительно к данному социальному лифту в целом преобладает. Следующую позицию занимают брак и творческая самореализация (40,7 и 40,3% соответственно). Столь значительное внимание к браку как к социальному лифту свидетельствует о том, что разговоры об «устаревании» брака как социального института в нашем обществе в большой мере, к счастью, остаются только лишь разговорами; а то, что около 60% испытуемых не воспринимают брак в качестве социального лифта, вовсе не свидетельствует о нежелании вступать в брак. Большое внимание к творческой самореализации, с одной стороны, дает некоторые основания для социального оптимизма в отношении опрошенной группы обучающихся; с другой стороны, по-видимому, такие ответы имеют определенный налет юношеского идеализма: очень многие люди, в юности мечтавшие реализовать себя в творчестве, затем не преуспели на этом поприще ввиду разнообразных жизненных обстоятельств.

Дальнейшее образование (магистратура, второе высшее образование) занимает следующую позицию (32,8% упоминаний), но если учитывать относительную значимость, которую придают этому социальному лифту опрошенные, то образованию как социальному лифту следует отвести третье место после бизнеса и профессиональной карьеры при работе по найму. Затем заслуживает упоминания общественная деятельность (17,9% упоминаний). 16,9% респондентов считают важным для себя социальным лифтом рождение и воспитание детей; в данном случае прогнозируемый социальный рост субъекта связан не с его собственными достижениями, а с тем, каких успехов в будущем добьются его дети. Вместе с тем это совершенно не означает нежелания обзаводиться потомством у остальных 83,1% респондентов, просто рождение детей в качестве именно социального лифта ими, очевидно, в настоящее время не рассматривается.

15,2% опрошенных так или иначе связывают свой будущий социальный рост с эмиграцией; примечательно, что подавляющее большинство испытуемых (84,8% респондентов) не сочли эмиграцию сколько-либо значимым социальным лифтом и, следовательно, связывают собственное будущее со своей страной.

В связи с часто упоминаемой угрозой «утечки мозгов» в нашей стране [18; 19] необходимо также отметить, что высказанное в юности желание эмигрировать вовсе не обязательно затем реализуется, а будучи реализованным, не всегда приводит к действительному успеху на новом месте и реальному социальному росту.

12,8% испытуемых указали в качестве социального лифта фриланс. Разумеется, в связи с цифровизацией экономики прослойка людей, осуществляющих свою деятельность в «свободном режиме», вне связи с определенным работодателем, растет и, вероятно, будет еще расти [20]; однако количество упоминаний о фрилансе остается достаточно скромным, если, например, сопоставить его с упоминаниями бизнеса и профессиональной карьеры при работе по найму.

Деятельность в социальных сетях в качестве социального лифта обозначили лишь 7,9% респондентов, причем первое место этому роду деятельности среди прочих социальных лифтов отвел всего один опрошенный. Это неожиданно скромный результат, поскольку деятельность в социальных сетях, как известно, получила в настоящее время повальное распространение, а известные блогеры популярнее иных кинозвезд. Такой результат в определенной мере обнадеживает, поскольку отражает понимание респондентов, что виртуальная «жизнь» в социальных сетях все-таки не настоящая жизнь.

Наконец, из всей выборки только 7 респондентов (2,4%) так или иначе выразили желание остаться в прежнем социальном статусе, причем только двое вывели это желание на первое место, а для остальных пяти, очевидно, это осталось запасным вариантом развития событий.

Как можно видеть из приведенной ниже таблицы 4, различия между мужским и женским полом в восприятии социальных лифтов не особенно велики. Для их верификации в исследовании применялось угловое преобразование Фишера. Как известно, критерий Фишера (ϕ^*) позволяет определять достоверность различий по интересующему признаку у двух сравниваемых групп испытуемых, если этот признак выражен в процентах. Если критерий Фишера не превышает 1,64, то различия между двумя группами недостоверны ($p > 0,05$). Если его значение лежит в промежутке от 1,64 до 2,31, то различие по изучаемому признаку оценивается как сомнительное ($0,01 < p < 0,05$). Наконец, когда значение критерия Фишера превышает 2,31, различие может считаться достоверным ($p < 0,01$).

Таблица 4. Сравнительная оценка социальных лифтов в зависимости от пола
 Table 4. Comparative evaluation of social elevators depending on gender

№ п/п	Род деятельности	Юноши, % упоминаний	Девушки, % упоминаний	φ^*	p
1	Бизнес	74,4	66	<1,64	>0,05
2	Брак	43,3	39,5	<1,64	>0,05
3	Дети	17,8	16,5	<1,64	>0,05
4	Дальнейшее образование	20	38,5	3,25	<0,01
5	Общественная деятельность	14,4	19,5	<1,64	>0,05
6	Профессиональная карьера	44,4	44,5	<1,64	>0,05
7	Социальные сети	3,3	10	2,2	0,014
8	Эмиграция	22,2	12	2,16	0,015
9	Фриланс	11,1	13,5	<1,64	>0,05
10	Творчество	32,2	34	<1,64	>0,05
11	Прежний статус	4,4	1,5	<1,64	>0,05

Итак, у юношей и девушек достоверно различается восприятие такого социального лифта, как образование: девушки склонны обращаться к нему значительно чаще. Также для девушек в качестве социального лифта более привлекательной оказалась деятельность в социальных сетях, но различие здесь сомнительно. Эмиграция как возможный социальный лифт оказалась несколько более привлекательной для юношей; однако и здесь различия имеют сомнительное значение. Примечательно, что брак как форма отношений, играющая роль «социального лифта», в этой выборке несколько чаще представлена у респондентов мужского, а не женского пола (хотя разница невелика и не превышает статистической погрешности).

Выводы. Таким образом, исследование представлений обучающихся об использовании в будущем тех или иных социальных лифтов представляется весьма целесообразным. Во-первых, такое исследование дает возможность и повод самим обучающимся задуматься о своем будущем и осознанно подходить к построению своей даль-

нейшей жизни. Во-вторых, выявляя наиболее востребованные направления дальнейшего развития среди учащейся молодежи, преподаватели вузов могут вносить определенные коррективы в образовательный контент и воспитательную работу. Знание предпочтений, высказываемых респондентами в подобных исследованиях, позволяет выстраивать образовательную политику, а также политику в сфере занятости. Наконец, контент, полученный в таких исследованиях, становится весьма востребованным в системе повышения квалификации преподавателей.

Помимо сугубо прикладного, подобные исследования имеют и существенное общетеоретическое значение. Поскольку эффективность социальных лифтов сопряжена со значимостью определенных организационных принципов в социальной иерархии, изучение социальных лифтов и их восприятия в контингенте обучающихся косвенно отражает развитие инверсивных отношений в современном обществе и позволяет анализировать перспективы общественного развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. Москва: Политиздат, 1992. 542 с.
2. Косинов С. С. Основные каналы социальной мобильности российской молодежи в современных условиях // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2012. №4. С. 91–97.
3. Волков Ю. Г. Новые социальные лифты в региональном пространстве // Россия реформирующаяся. 2020. № 18. С. 131–159.
4. Миронова С. П. Социальный лифт: взгляд сквозь призму средств массовой информации // Социально-профессиональная мобильность в XXI веке. Екатеринбург, 2015. С. 74–81.
5. Романова К. С. Социальные лифты как средство социальной мобильности // Дискурс-Пи. 2015. №2. С. 30–34.
6. Черкесс К. А. Роль молодежных НКО в формировании и развитии социальных лифтов в современной России // Общество: социология, психология, педагогика. 2020. № 11. С. 45–50.

7. Шпекторенко И. В. Социальные лифты в структуре социальной мобильности индивида // Управленческое консультирование. 2013. №6. С. 93–103.
8. Медников А. Б. Тапунов Ю. Н., Лызарь О. Г. Спорт как социальный лифт: институциональные, массмедийные и экзистенциальные факторы // Общество и право. 2021. №1. С. 154–158.
9. Ефимова О. Ю. Социальная мобильность молодежи из бедных семей: опыт пилотажного исследования // Знание. Понимание. Умение. 2013. №4. С. 270–273.
10. Косарецкий, С. Г. Пинская М. А., Груничева И. Г. Проблемы бедности и доступа к образованию. Оценка ситуации в России и международный опыт // Мир России. Социология. Этнология. 2014. №2. С.133–153.
11. Шкаратан О. И. Социология неравенства. Теория и реальность. Москва: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2012. 526 с.
12. Севостьянов Д. А. Инверсии в социальных иерархиях. Новосибирск: Золотой колос, 2020. 273 с.
13. Ленски Г. Статусная кристаллизация: невертикальное измерение социального статуса // Социологический журнал. 2003. №4. С. 126–140.
14. Петков В. А., Филоненко В. А. Механизмы функционирования социальных лифтов в образовательном пространстве вуза // Теория и практика общественного развития. 2014. № 12. С. 55–57.
15. Селиванова О. А. Проблема деформации социальных лифтов в современной образовательной сфере // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2012. №9. С. 33–40.
16. Черных С. И. Социальные лифты в образовании: проблемы и решения // Высшее образование в России. 2018. Т. 27, №6. С. 88–95.
17. Husén T. Higher education and social stratification: an international comparative study. Paris: Intern. Inst. for Educational Planning, 1987. 75 p.
18. Рахматуллина Л. И., Бабенко К. Ю. Проблема утечки мозгов в России // Евразийский Союз Ученых. 2015. №5–2. С. 50–51.
19. Борусяк Л. Ф. Молодые интеллектуалы: почему они уезжают из России, а потом решают вернуться? // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2020. №1/2. С. 191–205.
20. Артамонова Е. В., Артамонов В. А. Проблемы образования в постиндустриальную эпоху // Социальные новации и социальные науки. 2021. №1. С. 65–79.

REFERENCES

1. Sorokin P. A. *Man. Civilization. Society*. Moscow, Politizdat, 1992, 542 p. (In Russ.).
2. Kosinov S. S. The main channels of social mobility of Russian youth in modern conditions. *Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2012, no. 4, pp. 91–97. (In Russ.).
3. Volkov Yu. G. New social elevators in the regional space. *Reforming Russia*, 2020, no. 18, pp. 131–159. (In Russ.).
4. Mironova S. P. Social elevator: a look through the prism of mass media. *Socio-professional mobility in the XXI century*. Yekaterinburg, 2015, pp. 74–81. (In Russ.).
5. Romanova K. S. Social elevators as a means of social mobility. *Discourse – P*, 2015, no. 2, pp. 30–34. (In Russ.).
6. Cherkess K. A. The role of youth non-profit organizations in the formation and development of social elevators in modern Russia. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogy*, 2020, no. 11, pp. 45–50. (In Russ.).
7. Shpektorenko I. V. Social elevators in the structure of an individual's social mobility. *Administrative Consulting*, 2013, no. 6, pp. 93–103. (In Russ.).
8. Mednikov A. B. Tapunov Yu. N., Lyzar O. G. Sport as a social elevator: institutional, mass media and existential factors. *Society and Law*, 2021, no. 1, pp. 154–158. (In Russ.).
9. Efimova O. Yu. Social mobility of young people from poor families: experience of pilot research. *Knowledge. Understanding. Skill*, 2013, no. 4, pp.270–273. (In Russ.).
10. Kosaretsky S. G., Pinskaya M. A., Grunicheva I. G. Problems of poverty and access to education. Assessment of the situation in Russia and international experience. *Universe of Russia. Sociology. Ethnology*, 2014, no. 2, pp.133–153. (In Russ.).
11. Shkaratan O. I. *Sociology of inequality. Theory and reality*. Moscow, Higher School of Economics Publ., 2012, 526 p. (In Russ.).
12. Sevostyanov D. A. *Inversions in social hierarchies*. Novosibirsk, Zolotoj kolos, 2020, 273 p. (In Russ.).
13. Lenski G. Status crystallization: nonvertical measurement of social status. *Sociological Journal*, 2003, no. 4, pp. 126–140. (In Russ.).
14. Petkov V. A., Filonenko V. A. Mechanisms of functioning of social elevators in the educational space of the university. *Theory and Practice of Social Development*, 2014, no. 1, pp. 55–57. (In Russ.).
15. Selivanova O. A. The problem of deformation of social elevators in the modern educational sphere. *Bulletin of the Tyumen State University. Socio-Economic and Legal Studies*, 2012, no. 9, pp. 33–40. (In Russ.).

16. Chernykh S. I. Social elevators in education: problems and solutions. *Higher Education in Russia*, 2018, vol. 27, no. 6, pp. 88–95. (In Russ.).
17. Husén T. *Higher education and social stratification: an international comparative study*. Paris, Intern. Inst. for Educational Planning, 1987, 75 p.
18. Rakhmatullina L. I., Babenko K. Yu. The problem of brain drain in Russia. *Eurasian Union of Scientists*, 2015, no. 5–2, pp. 50–51. (In Russ.).
19. Borusyak L. F. Young intellectuals: why do they leave Russia and then decide to return? *Bulletin of Public Opinion. Data. Analysis. Discussions*, 2020, no. 1/2, pp. 191–205. (In Russ.).
20. Artamonov E. V., Artamonov V. A. Problems of education in the post-industrial era. *Social Novelties and Social Sciences*, 2021, no. 1, pp. 65–79. (In Russ.).

Информация об авторах

Севостьянов Дмитрий Анатольевич – доктор философских наук, доцент кафедры педагогики и психологии, Новосибирский государственный медицинский университет (Российская Федерация, 630 091, г. Новосибирск, Красный просп., 52, e-mail: dimasev@ngs.ru).

Гайнанова Алиса Рифкатовна – кандидат психологических наук, доцент кафедры «Профессиональное обучение, педагогика и психология», Сибирский государственный университет путей сообщения (Российская Федерация, 630 049, г. Новосибирск, ул. Дуси Ковальчук, 191, e-mail: gainanova@bk.ru).

Печин Юрий Васильевич – кандидат психологических наук, доцент кафедры государственного и муниципального администрирования, Новосибирский государственный аграрный университет (Российская Федерация, 630 039, г. Новосибирск, ул. Добролюбова, 160, e-mail: pechin65@mail.ru).

Статья поступила в редакцию 26.05.2022

Последоработки 27.05.2022

Принята к публикации 03.06.2022

Information about the authors

Dmitry A. Sevostyanov – Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Pedagogy and Psychology, Novosibirsk State Medical University (52 Krasny Ave., Novosibirsk, 630 091, Russian Federation, e-mail: dimasev@ngs.ru).

Alisa R. Gainanova – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department «Vocational Training, Pedagogy and Psychology», Siberian Transport University (191 Dusi Kovalchuk Str., Novosibirsk, 630 049, Russian Federation, e-mail: gainanova@bk.ru).

Yuri V. Pechin – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of State and Municipal Administration, Novosibirsk State Agrarian University (160 Dobrolyubova Str., Novosibirsk, 630 039, Russian Federation, e-mail: pechin65@mail.ru).

The paper was submitted 26.05.2022

Received after reworking 26.05.2022

Accepted for publication 03.06.2022